

Оригинальная статья / Original article

УДК 338

<http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-12-1525-1534>

Институциональная трансформация как фактор экономического развития Королевства Саудовская Аравия

Анна Николаевна Бурова*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, aburoffa@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-7091-4297>***Аннотация**

Цель. Проанализировать процессы институциональной трансформации в рамках реформаторской программы «Видение 2030», а также оценить их влияние на экономическое развитие Королевства Саудовская Аравия.

Задачи. Выполнить междисциплинарный литературный обзор; раскрыть проблематику формирования и становления институтов в обществе; систематизировать теоретические и эмпирические исследования в контексте выбранной темы; изучить актуальные статистические данные, отражающие динамику развития институциональной среды в Саудовской Аравии; проанализировать и оценить процесс влияния институциональных изменений на реализацию концепции «Видение 2030», ее экономические результаты.

Методология. Автором применены методы анализа литературы в сфере институциональной экономики, синтеза эмпирического и теоретического опыта, а также компаративного анализа статистических данных.

Результаты. Королевство Саудовская Аравия показывает уникальный опыт реформаторского пути. Основной целью программы «Видение 2030» служит достижение устойчивого экономического развития через диверсификацию экономики и научно-технический прогресс, что в первую очередь требует всесторонней институциональной трансформации страны. Важной сферой институциональных изменений стала модернизация институтов власти. Создание специализированных ведомств, оптимизация административной системы, открытость и прозрачность стали стимулами развития малого и среднего бизнеса, в том числе с участием иностранного капитала. Реформаторская деятельность нашла отражение в религиозной сфере, что позволило значительно ускорить научно-технический прогресс и развитие перспективных отраслей нефтяного сектора. Большое внимание уделено формированию общественно-социальных институтов и развитию человеческого капитала как главного локомотива устойчивого экономического развития страны. Интеграция в международное сообщество, постепенная «расконсервация» Королевства Саудовская Аравия инициируют информационный и культурный обмен. Реформационная политика государства приводит к значительным изменениям в институциональных нормах и структуре общественных отношений за относительно короткий период, что находит позитивное отражение в создании активного «динамического общества» и экономике устойчивого развития.

Выводы. Несмотря на значительные успехи институциональных трансформаций на пути к реализации реформ «Видение 2030», Саудовская Аравия сталкивается с рядом трудностей. Вопреки ожиданиям, поступления прямых иностранных инвестиций снижены, что поставило под угрозу ряд инфраструктурных и амбициозных инновационных проектов. Причиной этого послужили внешние факторы изменения мировой конъюнктуры и непоследовательные действия властей. В общественных преобразованиях сложностью на пути к созданию «динамического общества» стали традиционно консервативные установки. У определенной части взрослого населения быстрые изменения социально-общественной сферы вызывают трудности адаптации к новым стандартам и ценностям. Несмотря на активное развитие образовательных программ и борьбы с безработицей, механизм трудоустройства несколько затруднен вследствие неразвитости отраслевого разнообразия. Тем не менее власти продолжают избранный реформаторский курс. Институциональные и структурные социально-экономические

изменения в обществе не могут в полной мере состояться за короткий период. Однако созданы значимые предпосылки для созидательных преобразований, которые направлены на устойчивое экономическое развитие страны.

Ключевые слова: *экономическое развитие, институциональная экономика, институциональная трансформация, Саудовская Аравия, реформы, «Видение 2030»*

Для цитирования: Бурова А. Н. Институциональная трансформация как фактор экономического развития Королевства Саудовская Аравия // Экономика и управление. 2025. Т. 31. № 12. С. 1525–1534. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-12-1525-1534>

Institutional transformation as an economic development factor of the Kingdom of Saudi Arabia

Anna N. Burova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, aburoffa@mail.ru, https://orcid.org/0009-0003-7091-4297

Abstract

Aim. The work aimed to analyze institutional transformation processes within the “Vision 2030” reformatory program and to assess their impact on the economic development of the Kingdom of Saudi Arabia.

Objectives. The work seeks to conduct an interdisciplinary literature review; to explore the problems of the formation and development of institutions in society; to systematize theoretical and empirical research in the context of the chosen topic; to examine current statistical data indicating the dynamics of institutional development in Saudi Arabia; as well as to analyze and evaluate the impact of institutional changes on the implementation of the “Vision 2030” concept and its economic outcomes.

Methods. The author applied literature analysis in the field of institutional economics, a synthesis of empirical and theoretical experience, and a comparative analysis of statistical data.

Results. The Kingdom of Saudi Arabia demonstrates a unique example of its reformatory pathway. The “Vision 2030” program is primarily aimed to achieve sustainable economic development through economic diversification and scientific and technological progress, which principally requires a comprehensive institutional transformation of the country. A key area of institutional change has been the modernization of government institutions. The creation of specialized agencies, the administrative system optimization, as well as openness and transparency became incentives of the development of small and medium-sized businesses, including those with foreign capital. Reformatory efforts found its way into the religious sphere, while accelerating significantly the scientific and technological progress and the development of promising non-oil sectors. Considerable attention has been paid to the establishment of social institutions and the development of human capital as the main driver of the country’s sustainable economic development. Integration into the international community and the gradual “depreservation” of the Kingdom of Saudi Arabia are initiating information and cultural exchange. The country’s reformatory policy is resulting in significant changes in institutional norms and the structure of social relations in a relatively short period, which is positively embodied in the creation of an active “dynamic society” and a sustainable economy.

Conclusions. Despite significant progress in institutional transformations towards implementing the “Vision 2030” reforms, Saudi Arabia faces a number of challenges. Contrary to expectations, foreign direct investment has declined, jeopardizing a number of infrastructure and ambitious innovation projects. This is due to external factors, such as changes in the global market and inconsistent government actions. Traditionally conservative attitudes have become a challenge in social transformations, hindering the creation of a “dynamic society”. Rapid social changes are causing difficulties for a certain segment of the adult population in adapting to new standards and values. Despite the active development of educational programs and efforts to combat unemployment, the employment scheme remains somewhat hampered by the industry diversity imperfection. Nevertheless, the authorities are continuing their chosen reformatory course. Institutional and structural socioeconomic changes in society cannot be fully implemented in a short period of time. However, significant preconditions have been created for constructive transformations aimed at the country’s sustainable economic development.

Keywords: *экономическое развитие, институциональная экономика, институциональная трансформация, Саудовская Аравия, реформы, “Vision 2030”*

Введение

Одной из центральных тем экономических исследований с середины XX в. стала этиология экономического роста и развития стран. В основе теоретических и практических моделей предыдущих периодов, как правило, находились только экономические показатели и учет факторов производства. Однако применение западных моделей развития не приносило желаемых результатов на большей территории постколониального пространства. Неоклассические постулаты, служившие ранее «большим толчком» [1] для развитых стран, не были настолько эффективны в попытке применения их в странах третьего мира.

Катализаторами экономического движения вперед предполагались механизмы сбережения и накопления, технологический прогресс, рабочая сила и переход к рыночной, практически свободной от государственного влияния экономике. Эти факторы имеют неоспоримое влияние на экономический рост в западных странах. Тем не менее не учтены пути социокультурного формирования, культурных основ убеждений и исторических особенностей развития обществ, являющихся главными конструктами институционального фундамента [2].

Методы и материалы

В современной экономической теории фактор институционального развития стран играет огромную роль, позволяя раскрыть истинные причины качественного экономического развития или его отсутствия. Анализ культурной и институциональной составляющих становится фундаментом для стратегического движения государств [3]. Интерес к изучению институтов и факторов их развития как движущей силе экономического роста находится на переднем крае современной экономической теории, что подтверждается присуждением Нобелевской премии за исследования институтов и их влияния на благосостояние стран в 2024 г. Д. Аджемоглу, С. Джонсону, Дж. Робинсону. В 2025 г. Нобелевскую премию получили Дж. Мокир, Ф. Агион и П. Хоуитт за исследования экономического роста через инновации.

Сторонники институциональной теории предлагают рассматривать деятельность индивида в принятии экономических решений как нерациональную, а основанную на паттернах поведения, продиктованных культурно-социальными и историческими установками, нормами, в том числе регионально обусловленными. Институты — это правила игры, которые распространяются на все сферы деятельности человека: политические, социальные и экономические [4]. В контексте экономической теории культурно-исторические и социальные нормы можно отнести в «остаток Солоу», то есть к части экономического роста, которая не связана с изменением классических факторов производств [5].

Существует два главных вида политических и экономических институтов: инклюзивные и экстрактивные [6]. Формальные экстрактивные институты деструктивны для общего экономического развития и направлены на максимальное обогащение одной части населения за счет другой. При этом политические экстрактивные институты создают экономические и наоборот. Такие процессы взаимосвязаны. Политические институты посредством культурно-исторического развития обеспечивают дистанцию к власти, что приводит к перераспределению благ, а ограничение плюрализма — к торможению развития [6]. Формирование экстрактивных институтов не способствует эффекту невидимой руки, общественно полезному результату, экономическому развитию. Мотивация к экономическим действиям у граждан такого государства отсутствует, поскольку нет политической стабильности, доверия и гарантий права собственности.

Переход от экстрактивных институтов к инклюзивным осуществляется через созидательное разрушение [7], которому могут сопротивляться не только «верхи», но и «низы» [8]. Инновационно ориентированный путь развития актуален, но нуждается в усилиях, постоянном поддержании условий, а также системном развитии человеческого капитала [9]. Экстрактивность институтов порождает дезорганизацию общества, что мешает формированию новаторского класса и развитию научно-технического

прогресса [7]. Кроме того, готовность общества принимать и поощрять изменения способствует устойчивому экономическому росту [9].

Инклюзивные институты расширяют право большинства на участие в политической и экономической жизни сообщества. Люди в системе инклюзивных институтов могут развивать и использовать свои таланты для достижения общественных благ. К важным характеристикам инклюзивных институтов относятся система универсальных истин, в которой закон один для всех; гарантия охраны прав собственности, что служит мотивацией для дальнейшего развития индивида, а также общее благосостояние граждан. Инклюзивная политическая система институтов порождает только инклюзивные экономические институты, что является предпосылкой и условием для социально-экономического развития страны.

Основные результаты

Ярким примером институциональных преобразований во имя качественного экономического развития выступает Королевство Саудовская Аравия, которое еще недавно принято было считать одним из закрытых государств, с преобладающими строгими религиозными нормами. Высокая дистанция к власти, консервативные взгляды, обеспеченность верхов нефтяными сверхдоходами и дотации населению вели страну к стагнации и отсутствию развития. Сформировались деструктивные институты, носящие экстрактивный характер. Население фактически было лишено мотивации к труду и обучению, что тормозило индустриализацию и научно-технический прогресс, а наем иностранных высококвалифицированных специалистов, в том числе управленцев, угрожал кадровому суверенитету страны.

Молодой и амбициозный принц Мухаммед ибн Салман Аль Сауд запустил систему давно назревших преобразований в стране и обществе. В 2016 г. принята программа реформ «Видение 2030», которая включала

в себя экономические и социальные цели. Среди них — диверсификация и развитие ненефтяных секторов экономики, финансового сектора, программа приватизации, развитие инфраструктуры и энергетики, улучшение качества жизни, национальная программа трансформации. Такие амбициозные цели могут быть достижимы только при глубоких институциональных изменениях. Однако в первую очередь к преобразованиям должно быть готовым общество [10]. Преобразования в Саудовской Аравии называют «революцией молодых».

По данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН¹, в Королевстве Саудовская Аравия преобладает население в возрасте от 24 до 64 лет,² а самое широкое возрастное распределение обоих полов находится в диапазоне от 28 до 48 лет³. Именно в этой части населения молодой реформатор обрел поддержку и готовность изменяться вместе. Культурно-историческая специфика не требовала изменений политического строя страны, но подразумевала некоторую модернизацию института монархии. Активная часть населения ожидала преобразований и позитивных изменений в социальной сфере, решения вопросов реализации, образования и безработицы, тотальной закрытости страны. Как показывает практика соседних стран (в их числе — Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман), монархия в данном регионе при эффективном управлении может продуцировать экономическое развитие и улучшение благосостояния населения. При этом поданные воспринимают монархическую систему как гарантию долгосрочной стабильности. Данная ситуация является уникальной особенностью региона.

Политические институты нуждались в модернизации для реализации реформаторской деятельности. Так, кресла некоторых глав министерств заняли сторонники принца, но не принадлежащие королевскому роду Саудов, что допускает элементы плюрализма. Кроме того, губернаторами ряда провинций назначены молодые принцы из разных королевских кланов, что также

¹ Graphs / Profiles // United Nations. URL: <https://population.un.org/wpp/graphs?loc=682&type=Demographic%20Profiles&category=Line%20Charts> (дата обращения: 28.10.2025).

² В 2025 г. доля населения в данном возрастном диапазоне составила 67,7 %, процент населения в возрасте старше 65 лет — 3 %.

³ Population Pyramids of the World. Saudi Arabia 2024 // PopulationPyramid.net. URL: <https://www.populationpyramid.net/saudi-arabia/2024/> (дата обращения: 28.10.2025).

создает впечатление уравновешенного распределения власти и стабильности¹. В 2017 г. проведены масштабные аресты представителей элиты, в том числе одиннадцати принцев. Причиной таких действий властей заявлена борьба с коррупцией, а гражданами происходящее воспринято как верховенство закона, что положительно отразилось на доверии к власти [11].

С началом реформ религиозные институты потребовали изменений. Ценности самовыражения, необходимые для создания новаторского кластера, нельзя было совместить со строгой религиозной доктриной [12]. На смену фундаменталистам пришли новые имамы, также создан специальный надзорный орган над проповеднической деятельностью духовенства. Постепенно изменяется образ жизни подданных, снимаются запреты в области культуры, проводятся музыкальные мероприятия, открываются кинотеатры и опера. Появляются дома культуры, в которых граждане могут развивать творческие способности. В 2025 г. впервые за рубежом, на сцене проведения крупного Международного песенного конкурса², Саудовскую Аравию представляла Зейна Имад, восходящая звезда арабской поп-музыки.

Соревновательный компонент в международном пространстве объединяет и консолидирует общество. Проводятся спортивные мероприятия, благотворительные забеги, марафоны, формируются женские команды во многих видах спорта. Еще одним плюсом умеренного ислама и отказа от жестких догм стало активное участие женской части населения в социоэкономическом развитии страны. Давно желавшие роста возможностей женщины, стремившиеся к большей свободе, осваивают новые профессии, чувствуют в выборах, занимают высокопоставленные должности, ведут бизнес. Почти 30 % женского трудоспособного населения трудоустроены³. Такая смена парадигм находит позитивное отражение в развитии Королевства Саудовская Аравия [13].

Радикальные религиозные убеждения препятствовали развитию общества и внедрению инноваций, продвижению новых, перспективных отраслей экономики, например туризма, на который возлагаются огромные планы при реализации политики диверсификации экономики. В ноябре 2025 г. в Эр-Рияде, столице Саудовской Аравии, состоялась 26-я Генеральная ассамблея Всеобщей туристической организации ООН⁴, на которой показана роль этого государства как драйвера восстановления мировой туристической индустрии. Власти страны заявляют сферу туризма как один из главных элементов диверсификации экономики. Однако необходимо учитывать культурные особенности региона, в котором могут возникнуть проблемы с персоналом из числа местных жителей и сервисом, что может привести к возвращению иностранной рабочей силы.

Зависимость от одной отрасли экономики как единственного источника доходов подвергает опасности суверенитет государства. Стратегическая политика Саудовской Аравии строится на диверсификации экономики и развитии ненефтяных отраслей, что позволит перейти от экстрактивности к инклюзивности экономических механизмов. Так, еще одним шагом к росту и развитию стала приватизация части государственных активов и выход Saudi Arabian Oil Group⁵ на IPO⁶, создание суверенного фонда⁷. Средства, вырученные за счет продажи акций, направлены в публичный инвестиционный фонд для реализации социально значимых программ, на формирование и развитие новых общественных институтов. Некоторые внешние обстоятельства помешали полноценной реализации такого плана. Тем не менее начался процесс выравнивания инвестиционного климата и гарантит института частной собственности. Но потенциальные инвесторы могут проявить настороженность ввиду обратных действий руководства страны [10].

¹ Бирюков Е. С. Монархическая революция Саудовской Аравии // Информационно-аналитический портал Российского института стратегических исследований (РИСИ). 2017. 16 ноября. URL: <https://riss.ru/analitika/monarkhicheskaya-revolyutsiya-saudovskoy-aravii/?ysclid=misqke5f90302081429> (дата обращения: 29.10.2025).

² Речь идет о Международном музыкальном конкурсе «Интервидение — 2025».

³ Saudi Arabia // International Labour Organization. URL: <https://ilo.org/data/country-profiles/sau/> (дата обращения: 28.10.2025).

⁴ UN Tourism.

⁵ Saudi Aramco.

⁶ Initial Public Offering (в пер. с англ. — «первичное публичное размещение»).

⁷ KSA «Государственный инвестиционный фонд» (ГИФ).

Так, в 2019 г. фактически национализировано в пользу государства около 40 % группы Binladin¹. Ряд факторов, включая некоторую политическую нестабильность для внешних инвесторов, непоследовательность действий, общая мировая рецессия, пандемия COVID-19 и другие, способствовали снижению прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Саудовскую Аравию в течение последних лет, торможению процесса проведения реформ. ПИИ в 2024 г. составили 1,27 % от валового внутреннего продукта (ВВП) страны против 2,89 % в 2021 г.

Правительство Королевства Саудовская Аравия активно проводит работы по ликвидации безработицы среди подданных и созданию инклюзивного института предпринимательства в секторе малого и среднего бизнеса. С 2016 г. в стране действует главное управление по делам малого и среднего бизнеса Моншаат (Monsha'at). В числе функций организации — помочь предприятиям, помочь в запуске проектов, обучение финансовой грамотности, упрощение государственных механизмов регистрации и ведения бизнеса, иная всесторонняя поддержка. Кроме того, значительно упрощены механизмы создания совместных предприятий с иностранным капиталом. Формирование среднего активного класса предпринимателей ускорит экономическое развитие страны.

Запущена программа так называемой саудизации, то есть протекционистская программа занятости местного населения. Введены квоты на иностранную рабочую силу на всех уровнях, что обязывает компании трудоустраивать граждан Королевства Саудовская Аравия в первую очередь. В данном направлении работы с населением правительство столкнулось с рядом трудностей и необходимостью трансформации паттернов восприятия и поведения в обществе: недостаточной квалификацией местного населения и эффектом Веблена [14]. Данная ситуация — последствие экстрактивности институтов, которая, в свою очередь, породила пассивность граждан и привычку к престижному потреблению.

Динамику институциональных изменений, влияющих на экономический рост и развитие страны в целом, можно проанализировать через ряд индексов качества институтов. Для оценки эффективности го-

сударственных институтов выбраны индекс эффективности правительства (ИЭП), отражающий качество государственных услуг и эффективность государственного управления; индекс восприятия коррупции (ИВК), показывающий восприятие коррупции в государственно-административном секторе; показатель доверия к правительству, что отражает доверие к действиям правительства со стороны граждан. Важнейшим показателем развивающихся инклюзивных институтов и экономического развития служит создание благоприятной среды для новаторов на государственном и общественном уровне.

Для оценки сектора научно-технического прогресса учтено три параметра: глобальный инновационный индекс (ГИИ), расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), количество патентных заявок от резидентов. Инклюзивность институтов в области развития человеческого капитала можно оценить через индекс человеческого развития (ИЧР), включающий в себя три компонента: уровень жизни, доступность и качество образования, медицинских услуг. Уровень личных и экономических свобод — параметр, характеризующий институциональную инклюзивность в обществе, свободу ценностей самореализации и уверенности граждан, который оценивают через индекс свободы.

Представленные в таблице 1 данные отражают динамику институциональных изменений, которая влияет на экономическое развитие в целом. Индексы, показывающие эффективность государственного сектора, имеют позитивную динамику. Согласно исследованиям Edelman Trust Barometer, Саудовская Аравия стала самой доверяющей страной в мире, по сравнению с исследованиями Всемирного банка, проведенными с начала 2000-х. Жители доверяют лидеру государства и видят положительные изменения в политических институтах.

Научно-технический прогресс служит важнейшим условием экономического развития, повышая производительность, улучшая техническое состояние предприятий, стимулирует производство новых товаров и услуг. Показатели, выбранные для оценки данного сектора, демонстрируют в целом положительную динамику. ГИИ превышает

¹ Saudi Binladin Group — международная строительная компания.

Таблица 1

Система индикаторов институциональных трансформаций, 2016–2025 гг.

Table 1. System of institutional transformation indicators, 2016–2025

Индикатор	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Оценка государственных институтов										
ИЭП ¹	61,9	60,9	64,2	63,8	56,1	68,1	70,5	78,7	—	—
ИВК ²	—	49	49	53	53	53	51	52	59	—
Доверие к правительству, % ³	—	—	—	—	—	82	82	83	86	87
Оценка научно-технического прогресса										
ГИИ ⁴	—	—	34	32	30,9	31,8	33,4	34,5	33,9	36
Расходы на НИОКР, % от ВВП ⁵	—	—	—	—	0,50	0,44	0,46	0,56	—	—
Патентные заявки резидентов ⁶	1 070	909	1 078	1 188	1 294	1 398	—	—	—	2 684
Оценка развития человеческого капитала										
ИЧР ⁷	—	—	—	0,862	0,861	0,867	0,875	0,9	—	—
Оценка личной и экономической свободы										
ИС ⁸	—	—	—	—	4,7	4,54	4,63	4,48	—	4,8

Источник: составлено автором по данным международных статистических организаций.

среднемировой на 4,5 пунктов. Затраты на исследования и разработки в предпринимательском, государственном, образовательном и некоммерческом секторах по-прежнему отстают от среднемировых⁹. Количество патентных заявок от резидентов, по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности, неуклонно растет, что говорит о мотивации бизнеса и инноваторов к действию. Эндогенный рост на основе научно-технического прогресса позволит избежать ловушки технологического неоколониализма. В контексте развития через научно-технический прогресс [15] возрастает роль системы высшего образования¹⁰.

Один из приоритетов реформационной программы «Видение 2030» — создание

«динамического общества»¹¹ через трудовую мотивацию, поддержание частного сектора, обеспечение населения рабочими местами и улучшение доступности здравоохранительной системы. Общее благополучие граждан, доступность образования и медицины отражает индекс человеческого капитала. На его формирование влияют государственные, социально-экономические и культурные особенности. Инвестиции в развитие человеческого капитала окупаются снижением трансакционных издержек, достижением эндогенного развития научно-технического прогресса. Новая экономика роста нуждается в формировании принципиально нового человеческого капитала. Расходы на образование в Саудовской Аравии находятся на уровне выше среднемировых значений

¹ Worldwide Governance Indicators // World Bank Group. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/worldwide-governance-indicators/interactive-data-access> (дата обращения: 30.10.2025).

² Corruption Perceptions Index // Transparency International Anti-Corruption Center. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024> (дата обращения: 30.10.2025).

³ 2021 Edelman Trust Barometer // Edelman. URL: <https://www.edelman.com/trust/2021-trust-barometer> (дата обращения: 30.10.2025).

⁴ Global Innovation Index // World Intellectual Property Organization. URL: <https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index> (дата обращения: 31.10.2025).

⁵ Расходы на НИОКР // UNESCO. URL: <https://databrowser.uis.unesco.org/> (дата обращения: 03.11.2025).

⁶ ИС в фактах и цифрах ВОИС 2024 год. Женева: Всемирная организация интеллектуальной собственности, 2024. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo-pub-943-2024-ru-wipo-ip-facts-and-figures-2024.pdf> (дата обращения: 31.10.2025).

⁷ Human Development Index // HDR UN. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/specific-country-data#/countries/SAU> (дата обращения: 03.11.2025).

⁸ Human Freedom Index // Cato Institute. URL: <https://www.cato.org/human-freedom-index/2024> (дата обращения: 02.11.2025).

⁹ Среднемировые расходы на НИОКР составляют 2 % от ВВП.

¹⁰ В настоящее время в стране действуют 68 университетов.

¹¹ A vibrant society // Vision 2030. URL: <https://www.vision2030.gov.sa/en/overview/pillars/a-vibrant-society> (дата обращения: 25.10.2025).

(4,4 %)¹, составляя 5 %² от ВВП страны. Однако инвестиции в систему образования не будут работать без развития ненефтяных секторов экономики. По уровню человеческих свобод Саудовская Аравия занимает 13-е место в регионе MENA и 155-е в мире. Тем не менее относительно этого показателя наблюдается положительная динамика, особенно в аспекте экономических свобод, и приближается к уровню ОАЭ (7,03 балла и 7,39 баллов соответственно по данным на 2024 г.)³.

Выводы

Таким образом, в Королевстве Саудовская Аравия наблюдается в целом положительная институциональная трансформация по направлениям, необходимым для экономического роста. В целях достижения научно-технического прогресса и внедрения инноваций особое внимание уделено развитию человеческого капитала, подготовке кадров. Кроме того, прослеживаются изменения в области личных свобод граждан и движение к умеренному исламу. Страна сделала большой шаг на пути к социальному-экономическому развитию и формированию инклюзивных институтов в государственном секторе и обществе в целом. Развиваются волонтерское движение и общественные организации, что, в свою очередь, консолидирует социум. Культурно-исторический формат развития Королевства Саудовская Аравия, ценностные установки в обществе не могут преодолеть некий уровень дистанции к власти, как и остальные монархии Ближнего Востока. Практика показывает, что специфика политических институтов

не является препятствием для устойчивого экономического развития и реализации страны на международной арене.

Несмотря на демонстрацию позитивных институциональных изменений, Саудовская Аравия сталкивается с рядом препятствий на пути реализации реформаторской программы:

– во-первых, опора на туристическую отрасль логична с точки зрения экономической эффективности, но может создать ряд проблем, которые стоит учитывать. Культурно-социальные устои в обществе в сочетании с эффектом Веблена могут привести к развитию индустрии силами иностранных работников, что не решит проблем трудоустройства граждан и негативно повлияет на программу так называемой саудизации страны. Кроме того, экстрактивность отрасли может не дать должного развития научно-технического прогресса при производстве товаров и услуг;

– во-вторых, следует найти точку равновесия между развитием высшего образования и трудоустройством подданных, особенно молодежи, которые наиболее требовательны к ценностям самореализации. Стоит обратить внимание на часть взрослого населения, которая не успевает адаптироваться к стремительно изменяющимся ценностям и «правилам игры» в обществе. Эта группа граждан нуждается в дополнительных мерах социализации и соответствующей помощи;

– в-третьих, распределение средств должно осуществляться таким образом, чтобы рост научно-технического прогресса происходил эндогенно. Это усилит позиции страны на мировой арене. Тем не менее траты на науку пока недостаточны.

Список источников

1. Rosenstein-Rodan P. N. Problems of industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe // The Economic Journal. 1943. Vol. 53. No. 210/211. P. 202–211. <https://doi.org/10.2307/2226317>
2. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений / пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. М.: Высшая школа экономики, 2010. 253 с.
3. Мокир Дж. Дары Афины. Исторические истоки экономики знаний / пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд-во Института Гайдара, 2012. 408 с.
4. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 188 с.
5. Solow R. M. Technical change and the aggregate production function // The Review of Economics and Statistics. 1957. Vol. 39. No. 3. P. 312–320. <https://doi.org/10.2307/1926047>

¹ Government expenditure on education // UNESCO. URL: <https://databrowser UIS.unesco.org/browser/EDUCATION/UIS-SDG4Monitoring> (дата обращения: 31.10.2025).

² Данные за 2023 г.

³ Human Freedom Index 2024 // Cato Institute. URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2024-12/2024-human-freedom-index.pdf> (дата обращения: 04.11.2025).

6. Асемоглу Д., Робинсон Д. Почему одни страны богатые, а другие бедные: происхождение власти, процветания и нищеты / пер. с англ. Д. Литвинова, П. Миронова, С. Сановица. М.: АСТ, 2015. 692 с.
7. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия / пер. с англ., отв. ред. и авт. предисл. В. С. Автономов. М.: Экономика, 1995. 540 с.
8. Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction // *Econometrica*. 1992. Vol. 60. No. 2. P. 323–351. <https://doi.org/10.2307/2951599>
9. Mokyr J. The lever of riches: Technological creativity and economic progress. Oxford: Oxford University Press, 1990. 496 p.
10. Федорченко А. В. Реформирование саудовской экономики на новом этапе глобализации // Мировое и национальное хозяйство: электрон. науч. журнал. 2023. № 1. С. 106–131. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-01/reforming-saudi-economy> (дата обращения: 04.11.2025).
11. Дударев К. П. Саудовская Аравия в XXI веке: революция 30-летних или цунами модернизации. М.: Институт Ближнего Востока, 2022. 238 с.
12. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. New York: Cambridge University Press, 2005. 464 p.
13. Бурова А. Н. Человеческий и социальный капитал как фактор экономического роста Саудовской Аравии // Экономика и управление. 2024. Т. 30. № 11. С. 1334–1343. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-11-1334-1343>
14. Веблен Т. Теория праздного класса / пер. с англ. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
15. Ахмадуллин В. В. Система высшего образования в Королевстве Саудовская Аравия во второй половине ХХ–XXI веке // Научный диалог. 2024. Т. 13. № 10. С. 311–336. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-311-336>

References

1. Rosenstein-Rodan P.N. Problems of industrialisation of Eastern and South-Eastern Europe. *The Economic Journal*. 1943;53(210-211):202-211. <https://doi.org/10.2307/2226317>
2. North D.C. Understanding the process of economic change. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2010. 200 p. (Russ. ed.: North D. Ponimanie protsessa ekonomicheskikh izmenenii. Moscow: HSE Publ.; 2010. 256 p.).
3. Mokyr J. The gifts of Athena: Historical origins of the knowledge economy. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2004. 384 p. (Russ. ed.: Mokyr J. Dary Afiny. Istoricheskie istoki ekonomiki znanii. Moscow: Gaydar Institute Publ.; 2012. 408 p.).
4. North D.C. Institutions, institutional change and economic performance. Cambridge: Cambridge University Press; 1990. 159 p. (Russ. ed.: North D. Instituti, institutsional'nye izmeneniya i funktsionirovaniye ekonomiki. Moscow: Nachala; 1997. 188 p.).
5. Solow R.M. Technical change and the aggregate production function. *The Review of Economics and Statistics*. 1957;39(3):312-320. <https://doi.org/10.2307/1926047>
6. Acemoglu D., Robinson J.A. Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty. New York, NY: Crown Business; 2013. 544 p. (Russ. ed.: Acemoglu D., Robinson J.A. Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye: proiskhozhdenie vlasti, protsvetaniya i nishchety. Moscow: AST; 2015. 692 p.).
7. Schumpeter J.A. Capitalism, socialism and democracy. London: Routledge; 1976. 437 p. (Russ. ed.: Schumpeter J. Kapitalizm, sotsializm i demokratiya. Moscow: Ekonomika; 1995. 540 p.).
8. Aghion P., Howitt P. A model of growth through creative destruction. *Econometrica*. 1992;60(2): 323-351. <https://doi.org/10.2307/2951599>
9. Mokyr J. The lever of riches: Technological creativity and economic progress. Oxford: Oxford University Press; 1990. 496 p.
10. Fedorchenco A.V. Reforming Saudi economy on a new stage of globalization. *Mirovoe i natsional'noe khozyaystvo = World and National Economy*. 2023;(1):106-131. URL: <https://mirec.mgimo.ru/2023/2023-01/reforming-saudi-economy> (accessed on 04.11.2025). (In Russ.).
11. Dudarev K.P. Saudi Arabia in the 21st century: A revolution of the 30s or a tsunami of modernization. Moscow: Middle East Institute; 2022. 238 p. (In Russ.).
12. Inglehart R., Welzel C. Modernization, cultural change, and democracy: The human development sequence. New York, NY: Cambridge University Press; 2005. 464 p.
13. Бурова А.Н. Human and social capital assets as a factor of economic growth in Saudi Arabia. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2024;30(11):1334-1343. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2024-11-1334-1343>
14. Veblen T. The theory of the leisure class: An economic study of institutions. London: Macmillan Co.; 1912. 256 p. (Russ. ed.: Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa. Moscow: Progress; 1984. 367 p.).
15. Ахмадуллин В.В. Higher education system in Kingdom of Saudi Arabia in second half of 20th century and 21st century. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*. 2024;13(10):311-336. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-10-311-336>

Информация об авторе

Анна Николаевна Бурова

преподаватель программы МВА

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1

Поступила в редакцию 11.11.2025

Прошла рецензирование 09.12.2025

Подписана в печать 19.12.2025

Information about the author

Anna N. Burova

lector of MBA program

Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Received 11.11.2025

Revised 09.12.2025

Accepted 19.12.2025

Конфликт интересов: автор декларирует отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest
related to the publication of this article.